

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

В. Ю. БОГАТЫРЕВ	доцент кафедры вокала и музыкального воспитания Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, доктор искусствоведения
А. М. БУРОВСКИЙ	ведущий эксперт ОАО «Геолэкспертиза», заместитель директора Института политической экологии, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ	доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, руководитель брендингового агентства Pro.Name, кандидат культурологии
С. Н. ИКОННИКОВА	профессор СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
С. В. ЛАГУТИН	старший преподаватель кафедры философии и культурологии СПбГУП
С. С. ЛЕБЕДЕВА	профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, профессор Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор педагогических наук
Ю. В. ЛОБАНОВА	доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат культурологии
Н. Н. МУТЯ	доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, член Союза художников России
С. Б. НИКОНОВА	заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент
С. Б. СМIRНОВ	доктор культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП

С. Н. ИКОННИКОВА: — Я приветствую участников нашей секции, и мне приятно, что среди нас много молодежи. Позвольте предоставить слово ректору СПбГУП, члену-корреспонденту РАН Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, от имени Оргкомитета Лихачевских чтений хочу поблагодарить вас всех за участие в работе данной секции. Секция «Петербург в диалоге с мировой культурой» впервые проходит в рамках Лихачевских чтений и формат ее еще не сложился. Оргкомитету Чтений хотелось бы, чтобы искусствоведы, специалисты по архитектуре, живописи, выставочной деятельности сделали бы над собой усилие и вышли за рамки своей узкопрофессиональной деятельности, попробовали бы посмотреть на какие-то вещи шире.

Не замыкаться на анализе градостроительных планов, выставок, музеев и тому подобного, а задуматься над тем, что происходит с культурой в целом, потому

что Петербург — это не просто мегаполис, а модель, где на протяжении более чем трехсот лет сосуществуют разные культуры. И что происходит, когда они встречаются? Как формируется совершенно неповторимый облик этого города? Как он сейчас стирается, уничтожается? Какое влияние наш город оказывает на развитие мировой культуры? Мне думается, что нам нельзя оставаться в рамках подхода 20–30-летней давности, потому что теоретический аппарат изучения культуры уже ушел далеко вперед.

Наш город со своим символическим образным языком оказывает огромное воздействие на людей, которые в нем живут. Я приехал в Ленинград шестилетним мальчиком и увидел, что здесь совершенно особенные люди. В 1972 году я последний раз видел на улице ленинградцев, настоящих ленинградцев-петербуржцев. Вы знаете, чем они отличаются от сегодняшних? Тем, что они садились в общественный транспорт в порядке очереди, на улице никогда не проходили мимо человека, который заблудился,

на остановках транспорта никогда никто никого не отталкивал, на улицах никогда не звучал мат. Сейчас у 60 % петербуржцев матерщина — это норма речи. Они при детях употребляют мат.

Что стало с этой культурой? Я на протяжении нескольких лет пытался это понять. Интервьюировал крупных специалистов, практиков, беседовал с главным архитектором города О. Харченко. И он мне сказал очень интересную вещь: «Начало 70-х — это время массовой жилищной застройки. Историческая часть Петербурга занимает уже менее трети города». Когда маленькие дети вырастают, например в Купчино в его нынешнем виде, то почему они должны вести себя не так, как, к примеру, в Набережных Челнах? Они ведут себя хуже, чем Набережных Челнах. Потому что в Набережных Челнах их культурные корни, там есть люди, которые их знают и видят, а здесь они себя чувствуют маргиналами, перекасти-полем.

Меняется архитектура и формируется иной тип человека, формируется совершенно иная городская культура. Даниил Александрович Гранин 10 лет тому назад заметил, что петербуржцы перестали улыбаться друг другу, перестали друг к другу по-доброму относиться. Мы всегда гордились культурой этого города, это было что-то особенное, и вдруг растворилось в никуда. Что происходит? Как это совместимо с диалогом культур? С какой культурой вообще мы вступили в диалог?

Думается, что на Лихачевских чтениях мы должны объединить свои усилия для того, чтобы понять, что происходит, что могло бы нам все-таки помочь сохранить хотя бы оставшиеся крупинки петербургского, ленинградского духа. У каждого из нас есть возможность участвовать в огромном числе других конференций — по выставочному делу, музейному делу, в специализированных конференциях по архитектуре, — и мне, как председателю Оргкомитета, очень хотелось бы, чтобы каждый сегодня внес бы свою лепту в понимание того, что происходит в петербургской культуре.

Мы ведем диалог с другими культурами, но мы также ведем диалог и с нашим прошлым, и с великими людьми, которые создавали этот город, развивали его. Двадцать лет назад — 19 мая 1993 года, Дмитрий Сергеевич Лихачев прочитал у нас в Университете потрясающую лекцию. Он дает нам отличный образец междисциплинарного подхода к решению проблемы понимания нашего города. Он показывает, как здесь прорастала русская культура и состоялась премьера древнерусского зодчества, он говорит, что Петербург — самый русский город в России и самый европейский город в Европе.

У него, кстати, есть замечательный сборник работ по культуре, который мы издали в 2006 году к его столетию, мне очень хотелось бы, чтобы наши студенты ознакомились с его работами. Мы должны все вместе не только открывать для себя какие-то новые, более современные пласты видения культурной реальности, но и продвигаться вперед в научном осмыслении.

Я хотел бы, чтобы мы на Чтениях сосредоточились на том, что представляет собой Петербург как

явление культуры. Тогда мы найдем точные ответы. А что здесь неприемлемо, что недопустимо? А ведь еще Д. С. Лихачев говорил о соразмерности человека и окружающей его архитектурной среды. Коммунисты, конечно, преследовали благую цель — обеспечить население дешевым жильем, поэтому началось массовое жилищное строительство, а поплатились мы именно тем, что они вообще-то и не хотели потерять — высоким человеческим духом. Потому что пространства влияют на психику людей, в таких пространствах уже очень трудно родиться новому Лихачеву, новому Бехтереву. Благодарю вас и желаю успехов в вашей работе!

С. Н. ИКОННИКОВА: — Приглашаю к микрофону профессора Сергея Борисовича Смирнова.

С. Б. СМІРНОВ: — Одним из феноменов Петербурга являются определенные черты своеобразия, характерные для горожан, которые воспроизводятся из поколения в поколение, несмотря на катастрофы, постигшие город в XX веке. Так восприятие петербуржцами своего города как самого европейского города России сохранялось всегда. Это в первую очередь связано с его политической ролью, культурегерским предназначением, архитектурным обликом, и немаловажным фактором является тот, о котором я сегодня хотел бы поговорить. Это пограничное местоположение Петербурга.

Во времена империи сухопутная граница находилась от Петербурга в сотнях верст, в 1920–1930-е годы она проходила всего лишь в 30 км от Ленинграда, но на протяжении существования города его пограничный характер определялся в первую очередь его положением «при море», говоря словами Пушкина.

В первые десятилетия советской власти, невзирая на большие территориальные потери в Прибалтике, роль Ленинграда в этом смысле только возросла, потому что он остался единственным портом страны на Балтике. В то же время, говоря о советском периоде, нельзя не отметить, что довольно долго (1940–1980-е гг.) роль Петербурга как портового города была невелика. Советская власть близоруко вкладывала много средств в развитие и строительство новых портов на Балтике, которые после распада Советского Союза были утрачены, что повлекло невосполнимые потери для экономики страны в целом и региона в частности.

Начиная с 1990-х годов петербургский порт, точнее говоря, целый портовый кластер от Усть-Луги до Выборга, развивается очень интенсивно и постепенно превращается в крупнейший не только в России, но и во всем Прибалтийском субрегионе. Конечно, огромное значение имеет и то, что в последние годы начал развиваться и морской пассажирский порт, и сейчас основной поток туристов — это прибывающие на круизных лайнерах. Последние два года количество туристов, прибывающих в Петербург, стабильно превышает 5 млн человек. Всего лишь 10–15 лет назад эта цифра была в 2,5 раза меньше, хотя, конечно, и сейчас Петербург значительно уступает

крупнейшим городам Европы. Барселона, например, принимает свыше 20 млн, но нужно учитывать и очень короткий туристический сезон, характерный для Петербурга. Перспектива здесь в развитии аэропорта «Пулково», который по замыслу его владельцев (главным является компания «Lufthansa»), должен стать крупнейшим транзитным аэропортом Северной Европы, что соответственно будет способствовать развитию туризма в городе.

Говоря о том, что Петербург — окно в Европу, необходимо заметить, что горожане об этом не задумываются. И Финский залив, как правило, с морем у нас не ассоциируется. И когда мы смотрим с берега Васильевского острова на гладь Маркизовой лужи, то воспринимаем это в первую очередь как место, где ловят корюшку, плавают яхты, но вовсе не как дорогу, по которой можно попасть в Западную Европу. Собственно говоря, город и развивался таким образом, как будто при море был только в том смысле, что здесь имелся порт. Петербург до сих пор так и не имеет сформированного морского фасада. Об этом много говорили в советское время, создавались планы, но, кроме строительства отдельных объектов типа гостиницы «Прибалтийская» в 1970-х годах, процесс дальше не пошел.

Сегодня, как и в 1920–1930-е годы, сухопутная граница снова проходит рядом с Петербургом, причем не только на севере, но и на западе. До границы с Финляндией — 170–190 км, с Эстонией — 150 км. Скоростной поезд «Аллегро» преодолевает расстояние до границы с Финляндией чуть больше чем за час. Количество выдаваемых в Петербурге виз странами Шенгенского соглашения и по динамике, и по количеству поражает воображение, финское консульство второй год подряд выдает свыше миллиона виз. Даже консульство маленькой Эстонии в прошлом году выдало 40 тыс. виз.

И совершенно очевидно, что никто из жителей других регионов России не выезжает за пределы нашей страны так часто, как петербуржцы. Кто-то с этим может не согласиться, вспомнив Калининградскую область, Дальневосточный регион, но здесь есть принципиальная разница: на Дальнем Востоке и в Калининградской области выезд наших граждан за границу преимущественно связан с мелким бизнесом, а не с целями, характерными для большинства петербуржцев, — туризм, шопинг, знакомство с культурой наших соседей, что придает своеобразие пограничному движению. И это преимущество, которое отличает жителей города, выезжающих за пределы страны, имеющих возможность собственными глазами увидеть, что происходит за границей, сильно отличает петербуржцев. Второе направление движения — это Москва. И здесь тоже есть принципиальное отличие, потому что в Москву, как правило, петербуржцы ездят не для того, чтобы полюбоваться ее красотами, это, как правило, деловые поездки. И возникает парадокс — Россия известна современным петербуржцам гораздо меньше, чем Финляндия и Москва.

Р. Л. УРИЦКАЯ, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП: — Если верить статистиче-

ским данным международных туристических агентств, то в мире, во всяком случае в Европе, лидируют туристы из Германии. Немецкие туристы — наиболее часто встречающаяся публика в любой точке планеты. Исходя из Вашей научной концепции, не говорит ли это о кризисе их европейской самоидентификации? Они часто бывают и в Африке, и в Азии, и в России, и где угодно.

С. Б. СМЕРНОВ: — Чрезвычайно интересный вопрос. Мне кажется, что Германия в этом отношении наиболее интересна с точки зрения того, что происходит в ней сегодня — как немцам в условиях кризиса удается развиваться. Мне кажется, что нас еще ждут сюрпризы, даже на ближайших выборах, новые правые набирают там силу и, судя по всему, пройдут в бундестаг. Немцы, с одной стороны, действительно устали от того, что они тащат на себе Евросоюз, по крайней мере так они считают. С другой стороны, внутри Германии наблюдаются собственные противоречия, связанные с крайней неравномерностью развития. Не надо забывать, например, что Бавария производит половину всего валового продукта Германии, а бывшая ГДР — по-прежнему хлебник. К тому же наступает крах политики мультикультурализма, признанный даже лидерами страны, в том числе Ангелой Меркель. Все это заставляет немцев задумываться о своем мире. У нынешнего поколения немцев нарастает недовольство: «Прекратите нас топтать за 12 лет фашистской диктатуры. Истории Германии — свыше тысячи лет. Почему мы должны постоянно каяться за эти 12 лет?» — к сожалению, эта тенденция сильна и скорее всего приведет крайних правых в парламент Германии, выборы в который состоятся осенью.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется Светлане Борисовне Никоновой.

С. Б. НИКОНОВА: — Я хочу поговорить о пограничном положении Санкт-Петербурга, но с несколько другой точки зрения: о месте России в контексте столкновения с европейской культурой и о соотношении города Петербурга с тем проектом, согласно которому он был задуман. В своей статье, которая опубликована на сайте, и в своем докладе я отталкивалась от идеи немецкого философа Карла Шмитта, которую он излагает в работе «Земля и Море. Созерцание мировой истории». Он говорит о существовании двух видов цивилизаций: цивилизации морские, цивилизации сухопутные, которые соответственно осваивают землю и море. В данном случае Шмитт отмечает противостояние между Россией как сухопутной цивилизацией и Европой как цивилизацией морской. И он описывает, в чем различие между этими двумя видами цивилизации. По Шмитту, именно освоение морского пространства ведет к установлению глобального господства, и это глобальное распространение, глобальную экспансию мы видим в глобализации, которая в настоящий момент происходит в мире. Шмитт называет эволюцию пространства экспансивностью.

Как ни странно, цивилизация, которая делает ставку на море, как бы стирает границы между культурами. Вроде бы суша предоставляет нам возможность для свободного перемещения, человек все-таки существо сухопутное, тем не менее своим разнообразием ландшафта и рельефа она и разграничивает: возникают ограниченные территории с совершенно разными культурами, традициями, обычаями, а вода везде одна и та же. Выходя на воду, мы как бы выходим в глобальное пространство, которое сразу соединяет. Такие культуры, как греческая, достигли существенной экспансии и свободы мышления именно потому, что выходили в море, за счет налаживания торговых связей, что, собственно говоря, уже можно назвать диалогом. Здесь море напрямую соотносится с главной темой нашей конференции — с диалогом культур. Море как бы дает возможность вступить в диалог, это некое единое пространство коммуникаций. В этом смысле оно подобно языку, то есть разные сознания разделены своей локальностью, а язык создает возможность общения, он совершенно равнодушен к внутренним особенностям и предоставляет единую знаковую систему. Точно так же и море предоставляет единую знаковую систему.

С этой точки зрения хотелось бы посмотреть на место Петербурга в контексте проекта глобальной экспансии. В этой экспансивности, которая выводит Европу к морю, заставляет ее быть морской цивилизацией, и проявляется собственно суть европейской культуры. Порыв субъекта, который представляет собой центр перспективы, некий взгляд на мир, который перед ним открывается, — это как бы универсальное пространство, без ценностных иерархических различий. Петр I строит Петербург для того, чтобы дать России выход к морю. Зачем он понадобился? Шмитт говорит о схватке между Россией и Европой как о схватке между сухопутной цивилизацией и морской, и в этих условиях глобального общения оказывается, что любое общение, даже противостояние, уже есть некая форма диалога и осуществляется по правилам диалога.

По правилам глобального языка, глобального пространства, даже вступая в конфликт, приходится все равно вступать в пространство сообщений. Поэтому Россия нуждается в выходе, чтобы вступить в диалог, стать некой частью единого глобального мира, чтобы получить возможность противостоять его тенденциям. Для этого и строится Петербург, описанный Лотманом в работе «Внутри мыслящих миров» с точки зрения разделения двух видов городов: «город на горе», в центре, который иерархически структурирует вокруг себя обитаемые территории, и «города на краю мира», имеющего пограничное положение и совсем другую мифологию. Это мифология некой угрозы, потому что он все время находится на краю — в устье реки, на береговой полосе, ему угрожает наводнение — то есть это город, который создается неестественно, вопреки природе. Это камень, который воплощает порыв человека к тому, чтобы утвердить себя вопреки невозможности утверждения себя. Именно это Лотман отмечает в Петербурге.

Петербург строится как своеобразное «окно в Европу», и его роль — это проход, окно, прорыв. Петербург создавался по европейскому проекту, но хотелось бы заметить, что европейский город — это укрепление, которое возводится против моря. В этом смысле европейские города возникают как некие пограничные образования, они противостоят морю, посылают торговые экспедиции, но устроены таким образом, чтобы противостоять набегам с моря. А Петербург полностью морю открыт, потому что его главная роль — именно проход. У города нет стен, нет укреплений, нет крепости, он даже по отношению к морю как бы стирает свою определенность, упорядоченность. Вот почему у нас нет «нормального» выхода к морю, нет даже приемлемой набережной, как будто мы прячемся от моря, а может быть, оно нас пугает идеей потопа. Здесь можно вспомнить работу петербургского поэта Скидана, которая называется «О пользе и вреде Петербурга для жизни», где он критически рассуждает о Петербурге, сравнивая его с другими европейскими городами, рассматривая в контексте европейского проекта. Он пишет, что это не Петербург похож на какие-то европейские города. Созданный так, как он создан, в конечном счете он оказывается квинтэссенцией европейского города, и в конце концов совершенно разные европейские города оказываются похожими на Петербург. И в этом смысле Скидан называет Петербург постмодернистским городом. Россия, так и не вписавшись в проект европейского модерна, так и не преодолев различий, фактически сразу оказывается рефлексией по поводу модерна, а рефлексия по поводу модерна как раз и есть постмодерн. Следовательно, Петербург — это не город в прямом смысле, а воплощение новоевропейского экспансивного порыва, порыва субъекта к тому, чтобы распространить себя в открытое пространство. И весь пугающий хаотический характер этой экспансии в структуре Петербурга как некоего городского пространства являет себя, то есть, во-первых, он строится не как город, не как огражденная территория, защищающая себя, а намеренно именно как окно, проход в Европу, окно к морю из сухопутной цивилизации к морской. А с другой стороны одновременно представляет собой рефлексию над тем самым порывом, к которому стремится. Рефлексию над той самой морской цивилизацией, которой Россия хочет стать.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Следующим выступит Юрий Александрович Запесоцкий.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте начать с небольшого отступления. Я на майских праздниках гулял по центру Петербурга и пожалел производителей «мыльниц», любительских фотоаппаратов, потому что все туристы ходили с iPad'ами и с iPhone'ами и фотографировали на них. Я сразу же понял, что «мыльницы» как товарная категория исчерпали себя. Приятно, что туристов было очень много, мне кажется, даже больше, чем в предыдущие годы, то есть поток растет. Однако есть некоторые «но», потому что они видят наш город не только таким, каким мы

хотели бы, чтобы они его видели, но и таким, какой он есть на самом деле.

Моя тема посвящена бренду города, бренду Санкт-Петербурга и, конечно, первое, о чем хотел бы сказать, это то, что я подразумеваю под термином «бренд города». На мой взгляд, это образ города, который создается целенаправленно, который, в свою очередь, устойчив во времени, и характеристики данного образа соответствуют реальным чертам объекта, который данный образ представляет. Если это так, то речь идет действительно о бренде города, а не о симуляторе, не о некоем искусственно созданном имидже, мы знаем, что есть личности, в том числе политические, которые перед камерой представляют один свой облик, а на самом деле являются совершенно другими людьми. То же самое может быть и с городом.

Очень бы не хотелось, чтобы образ нашего города, который транслируется на внешнюю аудиторию, кардинально отличался от того, как мы хотели бы к нему относиться. И здесь встает серьезный вопрос: а действительно ли Петербург является той желанной культурной столицей России, как мы его хотели бы называть, или же имеет право на существование термин «криминальная столица России», который был искусственно приписан нашему городу в 1990-е годы? Вынужден констатировать, что последний имеет право на существование, хотя проблема не только в криминале.

Я хотел бы обратить внимание на то, что сейчас поведение петербуржцев не соответствует поведению жителей культурной столицы, то есть тому месту, где они находятся. К примеру, на дорогах автомобилисты не пропускают «скорую помощь»; огромное число людей, употребляющих алкоголь прямо на улице; в городе очень много мусора, люди умудряются выбрасывать мусор из окон, а также не убирать за собственными собаками; не оказывают помощь тем, кому она нужна. И этот облик видим не только мы, но и гости города. Как это гармонирует с образом культурного человека? В своей диссертации я привожу пример рекламного ролика, где отклеившийся кусок обоев закрывают бутылкой пива — это юмор, шутка, но между тем мы начинаем закрываться газеткой от стоящей перед нами женщины в метрополитене, чтобы не уступать ей место, и не оказываем помощь тем, кому стало плохо с сердцем, думая: «Это пьяный лежит, чего ему помогать», — так и строится наша жизнь в Петербурге. В городе масса автомобилей с «блатными» номерами, но проблема не в том, что их много, а в том, что люди стремятся к тому, чтобы у них были эти «блатные» номера. Но и это только полбеда.

Вы знаете, когда у нас в городе началась мода на автомобильные номера серии «вор», меня это действительно испугало, то есть люди считают модным показать свою принадлежность к категории воров, следовательно, сейчас модно украсть, быть богатым вне зависимости от того, каким образом эти деньги получены, то есть я — вор и это круто, я еду на дорогой машине — вот что самое главное. Я вынужден сказать, что некоторые студенты, в частности даже аспиранты на-

шего Университета, оказавшись в раздевалке спортзала, почему-то переключаются и начинают разговаривать матом. Мне это не совсем понятно. Что, в актовом зале Университета ты являешься аспирантом, а выйдя в раздевалку, становишься другим человеком? Или ты вышел за ограду — и можешь плевать и мусорить? Мы об этом бренде Петербурга говорим, когда упоминаем культурную столицу? В чем проблема этой идентичности?

Естественно, новая российская реальность, нацеленная на деньги, исходит не из Петербурга, а из Москвы, где на данный момент уже устоялся культ денег. Приезжие с низким уровнем культуры. Вы, наверное, хотели бы, чтобы я сказал, что главная проблема — в приезжих с низким уровнем культуры, но проблема, на мой взгляд, совершенно в другом: этот город способен любого человека перевоспитать, сделать более культурным и объяснить, как нужно себя вести. Люди не делают замечания тому, кто ведет себя противоправно или бескультурно, и тем самым стимулируют его негативное поведение.

Проблемой в формировании системы ценностей, на мой взгляд, являются спальные районы. Я однажды услышал мнение, что петербуржцы перестали выезжать из спальных районов: в одном спальном районе спят, в другом спальном районе работают или в том же самом. До Эрмитажа не добираются, а если добираются, то в кабаки поблизости. И это проблема, потому что архитектура очень сильно воздействует на наше мировоззрение, точно так же, как и одежда, которую мы надеваем. Я неоднократно замечал, что студенты на I курсе одеты в широкие штаны или рваную одежду, на III курсе — в пиджак и галстук. Поэтому исторический центр города никто не отмечал, в нем нужно проводить время и водить туда своих детей.

И немаловажный момент, о котором я не слышал в таком контексте, — это общероссийские средства массовой информации и интернет-источники, которые нас окружают и из-за которых стирается та уникальная информация в петербургском стиле, которая могла бы подаваться тем людям, которые привержены данному культурному типу и здесь проживают. То есть мы могли бы читать петербургскую газету, смотреть петербургский телеканал, но, к сожалению, даже тот канал, который называется «петербургским», таковым не является, он вещает на всю Россию, у него приоритеты также являются коммерческими, он вынужден или считает возможным забывать о петербургском стиле. Если мы хотим, чтобы Петербург воспринимался как культурная столица, то его культура должна быть на высоте.

Я вкратце напомню, что для того, чтобы быть культурной столицей и соответствующим брендом, необходимо возвращаться к истокам. Этот город был целенаправленно создан Петром I. Он заставил сбрить бороды, полностью изменил сознание людей, сделал его более европейским, привел сюда европейцев, построил здания, потрясающие по архитектуре, внедрил светское образование, музеи и создал новую жизнь для нашей страны, и некоторые ученые даже

сравнивают появление Петербурга с теми изменениями, которые произошли в ходе Крещения Руси. Город настолько был пропитан тем духом, который в него изначально внедрили, что даже после смены ситуации в стране, названия страны, города, эта сила, наоборот, приумножалась.

Всем известна ленинградская культура, царившая в советские времена. К 1990-м годам она во многом стерлась, и мы имеем то, что имеем. Может ли Петербург отличаться от всего того, что происходит в России? Ведь всегда проще сказать: «Везде так», но я приведу вам, на мой взгляд, важный пример. Мой хороший приятель приехал в Калининград, взял машину в прокат, его остановили местные сотрудники ГИБДД и говорят: «Вы не пристегнуты». — «Виноват, давайте мы как-то решим вопрос на месте». На что ему ответили: «Вопрос на месте будете у себя в России решать». Да, Калининград географически отделен от основной территории Российской Федерации, и дело не только в географии, но и в отношении людей, в их сознании. Мы не должны думать, что Петербург может быть культурной столицей просто потому, что здесь находятся Эрмитаж, Кунсткамера, Санкт-Петербургский государственный университет и другие университеты.

Наш Университет, к примеру, так же, как Петербург, был создан искусственно, вместе с определенной системой ценностей. Мы поставили ограждение и сказали: «Мы не можем гарантировать того, что происходит за забором, но на своей территории постараемся сделать все, что от нас зависит». То же самое можно и нужно делать в пределах города, и я со всей ответственностью заявляю — выносить за его пределы. Петербургская культура должна фонтанировать в каждом из нас, и брызги должны достигать даже главного очага бескультурного пожара — Москвы. Тем более что многие из нас ездят туда работать. Давайте насаждать культуру как внутри города, так и вовне, начиная с самих себя, в таком случае Петербург действительно станет брендом, настоящей культурной столицей, в том числе и для туристов, которые будут без опаски сюда приезжать и считать, что Санкт-Петербург и Россия в целом являются европейской страной.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Пожалуйста, вопросы.

О. БУКИНА, аспирантка факультета искусств СПбГУП: — Я согласна с тем, что культура исходит из каждого из нас, но на сегодняшний день, мне кажется, не стоит забывать о том, что политика государства не настроена на то, чтобы страна становилась более культурной. Мы сегодня говорим о том, что культурной столицей должен быть Петербург, как город может быть культурной столицей сегодня? Я занимаюсь современным искусством: мы пропагандируем современное искусство, вывозим его в Европу, говорим о том, что в Петербурге оно существует, хотя многие люди об этом не подозревают, даже петербуржцы. Как можно говорить о продвижении, когда у нас нет музея современного искусства? Я не говорю о частных инициативах: есть

замечательный музей Аслана Чехоева — «Новый музей», но на государственном уровне эти инициативы не поддерживаются. Мы даже не можем себя критиковать открыто. Это показали несколько экспозиций, которые были закрыты, а потом были закрыты и институции. Я думаю, что каждый должен становиться культурнее, фонтанировать, но политика государства все-таки так или иначе должна быть настроена на это.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо за ваш вопрос и комментарий. Во-первых, в Петербурге достаточно большое количество музеев, но с точки зрения бренда у Петербурга, действительно, есть серьезный недостаток. Это не просто культурная столица, на данный момент Петербург больше тяготеет к городу-музею. Это в том числе выражено в отсутствии современного искусства, и я неоднократно сталкивался с позицией, что Петербург — это город традиционного искусства, где поддерживают традиции и не дают возможности развиваться современному искусству. Поэтому музей современного искусства, на мой взгляд, в Петербурге должен появиться наряду с традиционными. Иначе в качестве современного искусства на мостах будут по-прежнему фаллические символы появляться. Это как раз то, что касается индивидуального уровня. На государственном уровне должна быть поддержка, но в первую очередь надо рассчитывать на себя вне зависимости от того, будут вас поддерживать или нет. Неважно кто — государство и даже ваши близкие.

— *Когда Вы последний раз были в Москве?* (вопрос из зала)

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Около полугода назад, вообще стараюсь туда не ездить. Действительно, у меня сложилось негативное отношение к этому городу.

— *Мой опыт поездок на Запад связан в частности с тем, что, проходя по улицам европейских городов, я обращаю внимание на рекламу турфирм. И за 20 лет ничего не изменилось. Везде наш славный город позиционируется как «Город царей». Может быть, у Вас есть какие-то предложения, чтобы наш бренд реализовывать, и Вы могли бы предложить новые слоганы?* (вопрос из зала)

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На самом деле болезненная тема, потому что то продвижение России, Петербурга, которое идет на внешнюю аудиторию, не соответствует реальным чертам объектов, и в частности Петербурга. Проводилась очень серьезная рекламная кампания, в которой упор делался на хохлому и медведей, но в Петербурге нет медведей, да и хохломы тоже. Не за этим сюда люди едут. Водка, медведи, хохлома — это стереотипы. И мне на самом деле грустно, что интеллекта и профессионализма хватает лишь на то, чтобы использовать только эти стереотипы. Я, как руководитель брендингового агентства и практик, хочу сказать, что просто взять и предложить какой бы то ни было слоган — некорректно, требуется очень серьезная работа не одной команды и не одного

агентства, а практиков, представителей культуры и прочих институтов, поэтому этим нужно серьезно заниматься и подходить к вопросу немного по-другому. Но конкретный слоган сейчас, конечно, не предложу.

В. Ю. БОГАТЫРЕВ: — Позвольте озвучить следующую ремарку. Мне кажется, что Петербург нуждается сегодня в некоей идее своего развития, существования, и слово «бренд», на мой взгляд, для него несколько мелко, потому что самый дорогой бренд у нас — это «Coca-Cola», он стоит дороже всего, и мы с ним имеем очень мало общего. Что касается современного искусства в Петербурге, проблема здесь совершенно очевидна, потому что мы немногое в нашем городе, в нашей культурной среде можем подвергнуть ревизии. Петербург возник как некая ревизия по отношению к московской культуре. Нам очень сложно, будучи петербуржцами, это отрицать, и это тоже повод к размышлению.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Когда Россер Ривз, весьма известный американский специалист по промашу в середине XX века, взялся за продвижение Эйзенхауэра на президентских выборах, многие были возмущены из-за того, что президента начали рекламировать как тушенку. Это, конечно, было возмутительно. И в массовом представлении бренд — негативный феномен. В своей диссертации я пишу о негативном воздействии брендов на культуру, но, как и у каждого объекта, у брендов есть и мощная креативная сила, которая способна в том числе оказывать и положительное воздействие на культуру. Я не случайно в начале своего выступления пояснил, что в данном случае под брендом города мы подразумеваем устойчивый во времени образ, который соответствует реальным характеристикам объекта. Поэтому, надеюсь, что в дальнейшем мы сможем воспринимать бренд не только как негативный объект, но и как положительный.

Вы упомянули аспект, связанный с противостоянием Петербурга и Москвы. Я не хотел плохо говорить о Москве, просто каждый день средства массовой информации показывают нам нелицеприятные события, и так уж получилось, что Москва является эпицентром этих событий. Уверен, что в Москве живут порядочные люди и сосредоточено большое культурное достояние. Поэтому прошу прощения, если кого-то обидел. Но противостояние Петербурга и Москвы, на мой взгляд, — это ключевой элемент продвижения бренда Петербурга.

С. Н. ИКОННИКОВА: — У Сергея Борисовича прекрасная монография об этом вечном споре. Действительно, так получилось, что они несовместимы.

Р. ЛУКИЧЕВ, аспирант кафедры искусствоведения СПбГУП: — Я третий год занимаюсь бизнесом в сфере туризма, поэтому тема бренда для меня весьма актуальна. Несколько слов по этому поводу. В Санкт-Петербурге есть ряд брендовых объектов: Кунсткамера, Эрмитаж, разводные мосты. Но не кажется ли Вам, что бренд города должен сознательно регулироваться и фор-

мироваться со стороны, например, Комитета по туризму, Комитета по молодежной политике, Комитета по культуре и т. д.? Приведу простой пример: в Санкт-Петербурге есть такой объект, который брендом, к сожалению, не является, — это Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Недавно я сопровождал школьную группу на экскурсию в этот музей. Это самые обычные дети, которые жуют жвачку, сидят в Интернете и по вечерам тайком от родителей пьют пиво. Но вы бы видели глаза этих детей, когда звучала магнитная лента, на которой записаны звуки падающей на город бомбы, и когда экскурсовод объясняла им, что жители блокадного Ленинграда, защищавшие город, в том числе и дети, ничем от нас с вами не отличались, просто их детство, в отличие от вашего, выпало на это время.

В этом музее совершенно потрясающие гиды, и даже у тех детей, которые обычно не слушают экскурсовода, что-то меняется в сознании, глаза светлеют. Это производит колоссальное впечатление. На мой взгляд, именно этот музейный объект должен быть обязательно включен в каждую туристическую программу для каждой школьной группы, которая приезжает в наш город, чтобы дети могли познакомиться с недавним прошлым, которое еще живо. И данный объект, я думаю, необходимо включить в общую картину Санкт-Петербурга в обязательном порядке.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Полностью поддерживаю Вашу идею и, тем не менее, считаю, что большие дела начинаются с малого. На мой взгляд, пускай лучше школьники будут фотографироваться на фоне Кунсткамеры, чем с пивом на фоне «умершего на время», то есть пьяного товарища. Я надеюсь, что наша с вами активная позиция будет поддержана, мы должны чаще заявлять о том, что нас беспокоит. И к вопросу о государственном регулировании — необходимо сделать так, чтобы не пойти нам навстречу было невозможно.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется профессору Андрею Михайловичу Буровскому.

А. М. БУРОВСКИЙ: — Наш удивительный город — это как бы одновременно две разные сущности, то, что придумано, или то, что мы думаем о нем, и то, что существует в реальности. Я рад, что выступаю после уважаемого коллеги, который долго рассказывал, каким должен быть этот город. Это очень характерно. Петербург построили через 60–80 лет после Петра I, которого совесть не позволяет называть Великим. После этого обожествленного царя-антихриста появился город, не имеющий ничего общего с его первоначальной задумкой. А после того, как он появился, появилась и другая мифология, еще более интересная: город Петра и Павла превратился в город, посвященный самому Петру, названный в честь Петра I.

До сих пор существует множество различных мифологем, каким должен быть Петербург, каким он на самом деле является и кем ты в нем должен быть. Сама идея «Мы должны быть такими, поскольку мы петербуржцы» у меня, петербуржца в шестом поколении, автора книги «Санкт-Петербург как географический

феномен», сразу вызывает протест, причем совершенно естественный. Вспоминается, как огромная тетка из ГОРОНО мне, восьмилетнему пацану, громко орала: «Ты должен быть патриотом своей школы!» С тех пор я много кем должен был быть: комсомольцем, пионером, почитать ветеранов, строить социализм — список можно продолжать бесконечно. Теперь я должен быть высококультурной личностью, поскольку живу под управлением вчерашних бандитов и вчерашних комсомольцев, нахапавших много денег, ставших как бы правительством и заявивших, что они петербуржцы.

Это меня восхищает так же, как и то, что тетеньки в бесформенных черных кофтах и платках меня, крещенного при рождении, учат православию. Когда меня крестили (это было в Киеве много лет назад), мои предки уже не рисковали жизнью, но карьерой рисковали вполне определенно. И когда теперь тетенька, которая была пламенной атеисткой до 1991 года, начинает обучать православию, это у меня вызывает некоторый внутренний протест.

Я много лет проработал в археологических экспедициях, и когда обсуждают проблемы или дают команду студентам, делается это очень просто, так же как в армии: там рывкают матом. Два дня назад я приехал из Москвы и могу сказать только одно: там мне неоднократно пытались уступить место в метро, а вот в Петербурге этого не делают. Это я понимаю — город большой культуры. Но, знаете, общая массовая культура в Москве заметно выше. Вообще Москва — это город, вызывающий уважение к своему народу. Приехало множество разных людей из разных регионов страны, с разными бытовыми привычками, но они находят общий язык, вежливы, вместе работают, и в городе возникает своеобразная массовая вежливость поведения. В Петербурге я этого не наблюдаю, к сожалению.

Еще раз подчеркиваю: я имею право критиковать. Мой предок пришел в Петербург из Тверской губернии после реформ Александра Освободителя. И здесь возникает вопрос: о чем же мы сейчас беседуем? О диалоге, который был положен в основу создания и развития Петербурга? Все идеи, положенные в его основу, идеологичны, даже конфронтационны, ведь и правда «город на краю». На краю чего? Европы? Ничего подобного. Хельсинки севернее расположен, да и Осло, и Стокгольм на той же широте. На краю русского мира, даже не русского мира, не новгородского — московского мира, Московской Руси. Но на краю. Город — форпост, город, открытый пространству, город, обращенный к морю. Но опять-таки: для кого обращен к морю, кого так удивляло море? Новгородцев? Они по нему ходили еще в Средневековье. Кого еще, галисийцев? Да они моряки. А вот «москалей» — да, удивляло чрезвычайно. Долгое время в русском языке слово «берег» не распространялось на берег моря, в московском диалекте берег называли голландским словом «кюст». Первые 20 лет существования Петербурга то, что мы сегодня называем берегом Финского залива, называлось иначе, правда, я не выяснил до сих пор, как называли это место русские, подданные шведского короля. Может быть, потому что большинство из них уехало в Швецию, после того как «москалей» завоевали терри-

торию Петербурга. Он ведь не был пустым, здесь были расположены 42 поселения. Почему, интересно, немцы остались, а русские уехали? Крайне любопытный момент, который стоит отразить.

Интересная вещь получается: мы одновременно видим некий город, некую реальность, в то же время получаем огромное количество мифов об этом городе. И человек, реже сталкивающийся с ними, оказывается в странном положении. Моя старшая дочка, сейчас ей 15 лет, впервые приехав в Петербург, очень удивилась: «А почему говорят, что он мрачный? Смотри, папа, какие светлые краски везде. Какой он радостный, веселый, праздничный». Петербург в общественном сознании считается мрачным, тяжелым, давящим городом, депрессивным. Город, который считается городом высокой культуры, является городом обычной средней российской провинциальной культуры. Выстроенный как некий диалог с Западом и зачастую представляющийся рефлексией на западную культуру, западные города, в действительности завершает некий культурный процесс, который мы часто не замечаем. У нас до сих пор присутствует странное представление, что мы одновременно и воюем с Западом, боремся с ним, и одновременно все время рефлекслируем и ставим себя в положение учеников. Когда в белорусском университете проходила презентация моей книги «Русская Атлантида», то там недоумевали: «Вы у себя в Московии до сих пор выясняете, европейцы вы или нет, а мы давно перестали это делать. Почему и кому мы должны доказывать, что мы европейцы, — себе или Западу?»

С. Н. ИКОННИКОВА: — Андрей Михайлович, что Вы понимаете под той семантикой, которая относится к нашему городу?

А. М. БУРОВСКИЙ: — Как я уже сказал, существует вполне реальный Петербург, который можно изучать, что временами пытаются сделать, и выстраивается некая семантическая линия, то есть можно об этом рассуждать. Получается очень интересная вещь: Петербург очень давно, еще в XIX веке, создал то, что Европа хотела бы создать, но создавала позже и хуже. Не только регулярную застройку, но и дома, стоящие вплотную друг к другу, образующие сплошной фасад. В Париже строить так стали только после барона Османа. Правда, реформы Османа были весьма прагматичны: нужно было сделать широкие прямые авеню, чтобы облегчить расстрел из пушек парижан, если, не дай бог, они восстанут. Цель заключалась именно в этом. Но в результате задача была выполнена.

Вспомним Лотмана и его рассуждения о том, как возник особый фасадный город, а ведь Петербург до сих пор город фасадов. Отойдите в сторону от великолепных фасадов центральных улиц — и вы увидите облезлые дворы, которые ничем не лучше, чем в Новгороде или Пскове, даже пострашнее будут, и этот контраст удивляет всякого, кто побывал в Петербурге. Судьба распорядилась так, что я родился и вырос в Сибири, просто приезжал сюда часто, но когда я сюда приезжал, я забывал, что Петербург не только город

высокообразной интеллигенции, но еще и злобных, тупых подъездных баб.

Петербург является уникальным городом, в него ездят отдыхать, в том числе из провинции, из Москвы. Петербург — это город, который многие в Москве считают более русским, чем Москву. Парадокс. У нас сложилось представление, что есть русская Европа — Петербург, и есть архаичная, милая, отсталая Москва, одновременно очень русская, а у москвичей прямо противоположное мнение. По этому поводу можно долго рассуждать.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово — Юлии Владимировне Лобановой.

Ю. В. ЛОБАНОВА: — Каждый город стремится быть своеобразным, не похожим на все остальные города. Если хотите, это конечная цель существования любого города — быть в центре как можно большего культурного пространства, привлекать к себе внимание. Для осуществления этой идеи существует множество способов, в том числе уже упоминавшиеся сегодня бренды. Главным образом выступавшие сегодня докладчики говорили об индивидуальном своеобразии, и индивидуальное своеобразие действительно то, к чему стремится каждый город, и по сути дела то, к чему должен стремиться каждый человек, и параллель между городом и человеком неслучайна, потому что городская среда отличается таким качеством, как антропоцентричность.

Надеюсь, вы согласитесь с тем, что людей роднят некие общие качества. Да, есть нечто, что у каждого человека за душой, и у города тоже есть своя душа или, выражаясь современным языком, системные качества. Разные исследователи по-разному на протяжении истории изучения Петербурга высказывались в этом отношении. Но существуют качества, какие-то характеристики, которые Петербург разделяет с другими городами, как есть три уровня своеобразия. Индивидуальное своеобразие — это лишь один из уровней. Существуют также типическое и видовое своеобразие, как писал Фернан Бродель, замечательный исследователь, работа которого не утратила своей актуальности. Город всегда есть город, он существует в соответствии с теми принципами, законами, которые присущи развитию, функционированию разных городов.

Почему важны типическое и видовое своеобразие? Потому что индивидуальное своеобразие ярче всего познается в сопоставлении городов, относящихся к одному типу. Существует такое понятие — «иерархия городов», разделение труда между городами, можно выделить типы городов севера и юга, запада и востока. Вы знаете, что существуют исторические типы городской культуры? Города Античности отличаются от городов Средневековья, города Средневековья — от городов Нового времени, например Петербург — это ярко выраженный тип новоевропейского города. Безусловно, Петербург является русским городом, который построен русскими людьми и, несомненно, есть черты, которые объединяют города одного государства. Об этом писали разные исследователи, в том числе тот же

Фернан Бродель ссылается на высказывание путешественника, который обратил внимание на то, что очень много общего между городами Китая, Индии и, с некоторыми оговорками, городами Западной Европы.

Типическое своеобразие впервые обнаруживается там, где возникает деление городов на большие и малые, столичные и провинциальные, и по мере углубления дифференциации между городскими культурами возникают более отчетливые формы и типы. До сих пор не утратило своей актуальности деление городов по их функциям — не по тем функциям, которые эти города осуществляют для человека, а по тем, которые города обнаруживают в диалоге с себе подобными. Значение города как университетского, или музейного, или туристического, или портового центра актуально и в наше время, несмотря на то что есть весьма авторитетные исследователи, которые утверждают, что бессмысленно делить города на типы. Но те же самые исследователи, например Вячеслав Леонидович Глазычев, говорят о том, что типическое своеобразие необходимо учитывать в проектах развития современных городов.

Обратите внимание: эпитеты, которые сегодня прозвучали — культурная столица или Северная столица, также фиксируют место города в иерархии городов. Задумайтесь над тем, что существует такой тип города, как культурная столица, очень часто в культуре разных стран культурными столицами оказываются бывшие столицы. Когда город утрачивает статус политической столицы, он довольно часто приобретает название культурной столицы. И опять-таки эти эпитеты (вторая Венеция или Северная Венеция, вторая столица) относят Петербург к определенной группе городов. Наконец, существует и видовое своеобразие. Если задаться вопросом, что же такое город, то трудно найти однозначную формулировку, хотя некоторые исследователи часто отталкиваются именно от типического своеобразия. Очень трудно определить город как феномен, который существует вне конкретного пространства и времени, но город для человека — это прежде всего среда обитания.

Много ли сред обитания существует на нашей планете? Всего лишь три. Это природа, природная среда, это среда «не города» или деревни, это собственно городская среда, и специфика города, любого города как особого вида среды обитания, определяется в противопоставлении с другими средами. Зададимся вопросом: какие качества обнаруживает город, противопоставляя себя природе? О каком периоде развития городской культуры мы бы ни говорили, город всегда будет максимально полным на тот момент олицетворением, воплощением культуры. Это важно для Петербурга, потому что очень часто можно услышать: «Ах, он искусственный, ах, он умышленный», но эту функцию противостояния природному началу и проявления максимальной рукотворности дают нам все города как особый феномен, особая среда обитания. Город также сравнили с природой. Существует устойчивый миф в отношении исключительной упорядоченности Петербурга — города, в котором улицы пересекаются под прямым углом.

В действительности идея порядка выражается не только в планировке, но и в тех законах, нормах, которые существуют в конкретной городской среде. Если говорить о пространстве классической организации, то идея регулярности, принцип регулярной планировки обнаруживаются и в древних городах, и в городах Нового времени, исключение — средневековые города. Если кратко говорить о качествах, которые любой город демонстрирует, то город — это всегда то, что не деревня. В. Л. Глазычев говорил, что городов в России в принципе нет, что российская культура находится на пороге урбанизации, для этого у него есть соответствующая аргументация. Но в рамках той или иной культуры выделяется город, и «не город» или деревня, следовательно, эту пару всегда нужно принимать в расчет.

Какие же качества демонстрирует город, противопоставляя себя деревне? С одной стороны, такое качество, как замкнутость: деревня распахивает вам свои объемы, город зачастую непримиримо ошетинивается на чужаков и моментально их идентифицирует, иногда исторгает из себя. С другой стороны, город исключительно притягателен по многим причинам — и для самореализации, и для жизни в более комфортных условиях. И последняя оппозиция: деревня святая, а город греховный. Очень часто в европейской литературе город трактуется как очаг греховности, и когда в очередной раз будете читать, что Петербург — город антихриста, проклятый город, Петербургу быть пусту, имейте в виду, что точно такие же проклятия слышны в адрес любого крупного города, вся европейская литература пестрит подобного рода упреками в адрес городской культуры. Почему город воспринимается как очаг греховности? Это отдельная тема для разговора. Но между городами существуют взаимопонимание, диалог, и горизонтальные связи между городскими культурами очень важны, потому что российский город находится в ситуации структурной перестройки. Поэтому чем больше существует горизонтальных связей с другими городами, тем лучше для его развития.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Прошу послушать выступление Сергея Владимировича Лагутина.

С. В. ЛАГУТИН: — Санкт-Петербург — особый город. Я имею некоторого рода профессиональное отношение к его истории, в частности в какой-то момент мое внимание в наибольшей степени сосредоточилось на начальном периоде истории города — XVIII веке. Я заметил одну особенность: мы воспринимаем город на эстетическом уровне, так как наш исторический опыт настолько мал, что мы можем замечать лишь малую толику.

Я очень подробно изучал планы и чертежи города XVIII века, ознакомился и с XIX, и XX веками. Но XVIII век оказался для меня загадкой в большей степени, и я, пользуясь возможностью, решил высказать некоторые соображения. Прежде всего о том, что это было за время, что такое XVII век в Европе и что такое XVII век в России, какая культурная обстановка сложилась в Европе, что такое эпоха Просвещения и насколько она реализовалась именно в России.

В первую очередь я хотел бы упомянуть несколько личностей, которые имеют отношение к этому контексту: это всем известный великий философ Лейбниц, который являлся и дипломатом, лично был знаком с Петром I и даже финансировал проекты, которые предлагал Петру I. В 1669 году встал вопрос, кто унаследует польскую корону, как раз тогда молодой Лейбниц, будучи дипломатом, высказывал соображения, кто же должен взойти на престол. Одной из кандидатур был сын русского царя Алексей Алексеевич. Лейбниц всеми средствами старался этому помешать, так как прекрасно понимал роль России и ее потенциал на тот момент времени. Именно от него мы узнаем, что думали в Европе о России. Впервые о России как о потенциальной угрозе заговорили в связи с Польшей. Второе, о чем говорил Лейбниц относительно России, но уже после знакомства с Петром I, — то, что Россия каким-то образом вдохнет универсальный разум в Европу. Из этого совершенно очевидно следовало, что Лейбница интересовало не своеобразие России, а исключительно возможность вдохнуть новые силы в дело Просвещения, то есть Россия использовалась как плацдарм для практической реализации идей, которые на тот момент времени столкнулись с собственной исторической реальностью и начали пробуксовывать. Это то, что касается взглядов Лейбница: с одной стороны, варвары, с другой — некая потенциальная возможность.

Второй персонаж, которого я рассматривал в своей статье, — Жан-Батист Леблон, известный французский архитектор, который работал в стиле барочного классицизма. Этот стиль оказался очень близок духу русской культуры на тот момент времени.

Я хотел бы обратить внимание на то, как понималось барокко в Европе и насколько оно было воспринято в России. Представление об этом может дать характеристика барокко, данная Ж. Делезом: «Барокко зачастую ограничено пользовалось живописью, располагая ее только в алтарях, — но объясняется это тем, что живопись выходит из своих рамок и реализуется в скульптуре из многоцветного мрамора; скульптура же преодолевает сама себя и реализуется в архитектуре; а архитектура, в свою очередь, воспринимает фасад как рамки, но рамки эти сами отрываются от интерьера и завязывают отношения с окрестностями так, что архитектура реализуется в градостроительстве в целом. Так, находящийся на одном конце цепочки живописец превращается в градостроителя на другом, и мы присутствуем при чудесном разворачивании континуума искусств вширь или в протяженности: совмещение рамок, каждая из которых преодолевается набухающей в ней материей. Это экстенсивное единство искусств и образует вселенский театр, в котором есть воздух и земля и даже огонь и вода. Скульптуры — это подлинники его персонажи, а город — декорация, зрители же этой декорации — сами герои картин или скульптур. Искусство в целом становится «Социусом», публичным социальным пространством, населенным барочными танцорами».

Собственно говоря, именно такое представление складывается о тех первых градостроительных проектах и планах в стиле барокко. Я согласен со Светланой

Борисовной, что не Петербург похож на европейские города, а любой европейский город оказывается похож на него.

О. БУКИНА: — Мы сегодня много говорим об истории, о задумках, о том, как планировалась застройка города. А я все-таки хотела бы поговорить о настоящем и будущем архитектурном облике. В настоящее время город застраивается иначе, и исторический центр в том числе. Как Вы можете это прокомментировать и какое будущее его ждет?

С. В. ЛАГУТИН: — Вспомните события, связанные со строительством Охта-центра, который вызвал у специалистов и жителей города ряд нареканий и был отменен. Это наглядный пример, когда роль градостроителя берет на себя человек, не связанный с архитектурой, непонятно чем руководствующийся. Город, несмотря ни на что, продолжает расширяться, и хотя спальные районы имеют мало отношения к искусству, я не вижу в этом никакой трагедии, потому что жизнь есть жизнь со своими запросами.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется Чурову Владимиру Евгеньевичу.

В. Е. ЧУРОВ: — Действительно, среда, особенно в спальных районах, деградирует очень быстро, но проблема в том, что деградирует и среда исторического центра. Я уже говорил, что борьба с небоскребом, который являлся воплощением идеи Петра Великого, — осиновый кол в «грудь» Ниеншанца. Вы же помните высказывания о том, что 42 тыс. домов в пределах исторического центра должны быть снесены, поскольку они ветхие. Бывший одесский мэр довел эту идею до абсурда. Будучи заинтересован в новом строительстве в Одессе, он сказал: «Вся Одесса была построена герцогом Ришелье из непрочного известняка, у меня имеется инженерное заключение, что за сто лет он полностью исчерпал свои прочностные строительные качества. Таким образом, мы должны просто снести все, что есть в старой Одессе, иначе это рухнет нам на головы».

В Касабланке, где недавно мы были с женой, есть французский город — его называют так потому, что он построен французами во времена протектората с 1910 по 1956 год. Это изумительный заповедник архитектуры, многих образцов которой уже не сохранилось на южном побережье Франции. Там присутствуют ранний модерн, ар-нуво, ар-деко, конструктивизм, причем всех видов: ранний, предвоенный, колониальный, конструктивизм с пролетарскими элементами и послевоенный. Все это обветшало, так как в центре живет беднота, богатые переселились в новые особняки на окраины. Соответственно денег на ремонт нет, но это пока еще все подлинное.

Мы с женой фотографировали эти великолепные дома, архитектурные детали, и местные жители сразу определили нашу национальность: они сказали, что никто кроме русских этой архитектурой не интересуется. Вот пример диалога, а поскольку в Касабланку

приезжают в основном русские из Петербурга, можно сделать вывод о ценности отдельных осколков петербургской культуры в отношении французской архитектуры в Касабланке.

Вчера мы с коллегами передавали экспонаты в подшефный Этнографический музей. Журналисты, естественно, задали нам вопрос по поводу абсурдной идеи о передаче части коллекции Эрмитажа. Ну как объяснить культурному человеку, что это такое, не прибегая к ненормативной лексике? Я, как человек, который знаком с историей Эрмитажа, который читал знаменитую трилогию С. Варшавского и Б. Реста о спасении экспонатов Эрмитажа, даже помыслить об этом не могу. Если коллекция все-таки будет передана в Москву, то надо будет потребовать, чтобы Национальная галерея в Вашингтоне вернула все свои экспонаты.

Я хотел бы вас призвать вот к чему: чтобы молодежь спрашивала у старшего поколения, что им почитать, потому что посмотреть уже многого нельзя. Как это ни странно, в советский период Ленинград сохранялся, были, конечно, потери — Греческий портал на месте Октябрьского концертного зала, где была снесена Греческая церковь, да и ансамбль на Сенной площади. Но что это по сравнению с тем, что происходит сегодня? Поэтому пропускайте город через себя. Конечно, это идеализм. Мы живем в условиях развитого капитализма, равно как и лондонцы, парижане, касабланцы и другие, все равно денежный вал снесет и этот город тоже. Фотографируйте, пока еще есть что. Еще раз хочу сказать: печально, что бескультурье наблюдается повсеместно и в первую очередь накрывает исторические города. Нет исторического Лондона, исторического Парижа, даже квартал Маре превратился в заповедник одной сексуальной ориентации, чего раньше не было. Поэтому еще раз повторю любите Петербург, пока он еще не исчез окончательно.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется профессору Лебедевой Светлане Соломоновне.

С. С. ЛЕБЕДЕВА: — Дорогие коллеги! Мы участники Лихачевских чтений, поэтому позвольте мне сказать несколько слов о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Во второй половине 1960-х годов на Васильевском острове по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева стали создаваться профильные школы, и одной из них была филологическая школа, директором которой был Ардалион Александрович Мордвинов, фронтовик, человек, побывавший в ГУЛАГе, преданный литературе и друживший с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Они разработали очень интересную программу подготовки юных филологов, которая предусматривала циклы лекций крупных ученых в здании школы № 27. Мне посчастливилось там преподавать. Так я познакомилась с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Хочу рассказать о его работе с учащимися, которых он хотел воспитать. В то время в Пушкинском Доме разбирались рукописи, и он ребят из этих классов определил в качестве сотрудников, которые должны были заниматься этими рукописями. И один из учеников,

Володя Себардин, просматривая какие-то рукописи, нашел письмо Александра Сергеевича Пушкина. Это была случайность, но для ученика 9-го класса это было поистине открытием. Помимо этого, Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что учащиеся филологических классов должны встречаться с крупными учеными. В школу были приглашены Базанов, Макогоненко, ряд других ученых, которые читали лекции. Заразились этим и родители, и уже когда я работала в школе, мы ходили на лекции в университет, за что тоже ратовал Дмитрий Сергеевич. Дмитрий Сергеевич часто выступал перед преподавателями. Нужно было переломить старый подход советской школы. И он активно в этом участвовал, выступая перед преподавателями.

Говоря о деятельности в тот период, нужно сказать, что он способствовал не только созданию филологических школ: были созданы математическая школа, физическая школа, химическая школа, биологическая школа и ряд других. Благодаря его усилиям, а также Никиты Константиновича Толстого и еще ряда ученых удалось поработать и с северными регионами нашей страны, куда они ездили и отбирали наиболее талантливых детей для специнтерната № 45. То есть то, что у нас работало 45-й интернат для талантливых ребят из разных областей, — это тоже заслуга Дмитрия Сергеевича.

Хочется отметить и его деятельность во время перестройки. Дмитрий Сергеевич провел огромную работу для того, чтобы внедрить в современную культуру людей с ограниченными возможностями. По его инициативе и Эрмитаж, и Русский музей, и ряд театров создали программы, в которых участвовали эти дети. То есть, говоря о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве, я хочу сказать о человеческой душе. Это был нравственный, кристальной души человек, который даже в самое сложное время не сидел сложа руки.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Уважаемые коллеги, послушаем выступление Натальи Николаевны Мутья.

Н. Н. МУТЯ: — Художественный Петербург всегда осваивался выставочной деятельностью. Этому способствовали прекрасные выставочные площадки и петербургская художественная школа. И многие выставки, которые проходят в Петербурге, являются активной формой исторического диалога культур, особенно те, которые посвящены историческим деятелям.

Сейчас во многих странах мира возрождается интерес к своему прошлому, и это происходит не только в изобразительном искусстве, но и в кинематографе. Создаются прекрасные телесериалы, которые, кстати, способствуют тому, чтобы люди как можно больше знали о своем прошлом, такие, к примеру, сериалы, как «Тюдоры» или «Великолепный век», которые рассказывают о средневековой Европе и Азии. Наши сериалы об исторических деятелях не дотягивают до такого высокого уровня. Однако, к счастью, в Петербурге есть художественные пространства, где можно увидеть, как решается тот или иной исторический образ.

К сожалению, даже наши известные музеи не всегда могут принимать обширные исторические экспозиции, поэтому очень интересны временные экспозиции —

о них я хотела бы поговорить. К примеру, о выставке «Большая картина», которая проходила в 2004 году в Русском музее, где были представлены произведения из запасников прославленного собрания. Тем самым выставка способствовала «прямому диалогу» современных зрителей и художников прошлого. Здесь были показаны те картины, которые, к сожалению, в советское, да и в постсоветское время были малоизвестны широкой общественности, зрителям.

Выставка вызвала интересную полемику в художественной среде — как вообще понимать определение «большая картина»? Ограничивается ли это понятие только метрическими единицами, или включает в себе и высокую идею, требующую воплощения в монументальной форме? И возможны ли иные трактовки этого термина? Проблема нашла яркое отражение в картине К. Е. Маковского 1885 года «Поцелуйный обряд». Здесь мы видим воспроизведение старинного русского обряда, своеобразную иллюстрацию к роману Толстого «Князь Серебряный» — не крупный подвиг, не трагедию, не переломное событие истории, а бытовое действие времен Ивана Грозного — завершение пира целованием гостей хозяйкой дома.

Заслуживает ли показ обыденного события прошлого, правда не лишённого драматизма, такого большого формата? Для художественной жизни периода расцвета салонных тенденций и позднего академизма такое решение вполне оправданно, потому что для них поиск красоты и уход от насущных вопросов современности был органичен и художники считали, что и их понимание истории заслуживает большого полотна. В постоянной композиции Русского музея можно будет увидеть и другую картину — «Покорение Сибири Ермаком» (1895) В. И. Сурикова. На ней запечатлено событие исторической важности, что интересно — большая картина может быть посвящена и великому и малому событию. Временные выставки позволяют современному зрителю оценить разные подходы к исторической трактовке. Не менее любопытна еще одна выставка Русского музея — «Избранники Клио: герои и злодеи русской истории» (2011 г.). И опять в исторический диалог вступают различные аспекты: «художник и история», «зритель и история», «картина и история», «зритель и картина» и т. д. Многообразие подуровней диалогов спровоцировано тем, что устроители композиции, сохраняя хронологию в показе исторических лидеров России, не придерживаются этого принципа в представлении творчества художников. То есть произведения мастеров изобразительного искусства разных времен объединены одной исторической личностью.

Так, в зале, посвященном Ивану Грозному и его эпохе, можно было одновременно увидеть и картину знаменитого русского художника второй половины XIX века В. Г. Шварца «Иван Грозный у тела убитого им сына в Александровской слободе», и полотно известного советского художника П. П. Соколова-Скала «Взятие Иваном Грозным ливонской крепости Кокенгаузен» (1942). Если на первой картине Иван IV представлен как злодей, убивший своего сына, то здесь мы с вами видим Ивана Грозного в качестве героического

деятеля, который воюет с Немецким орденом, обосновавшимся в Ливонии, и воспринимается он как герой. В принципе это было еще и своеобразной аллюзией, потому что картина была создана в 1942 году. К сожалению, ее очень редко демонстрируют, но благодаря этой выставке мы смогли увидеть эту картину. На выставке были очень интересные параллели: можно было посмотреть не только как художники разных эпох подходят к прочтению образа, но и как художники одного времени смогли этот образ оттенить. В этом плане интересна картина художника-академиста Григория Седова 1875 года, представляющая Ивана Грозного как сладострастного старца, «Царь Иван Грозный любит на Василису Мелентьеву». А художник-демократ И. Е. Репин изображает Ивана Грозного не только как убийцу, но и как жертву своего деяния — «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Зритель, рассматривая эти работы, обнаруживает в них черты, которые подчеркивали разницу не только в творческих концепциях художников, но и разное понимание истории, и опять-таки зритель находится в своеобразном диалоге — диалог художников-академистов и диалог художников-реалистов. В Петербурге проходят выставки, где можно напрямую пообщаться с художниками. Среди них и Илья Сергеевич Глазунов, выпускник Ленинградского института им. И. Е. Репина, который одним из первых стал обращаться к истории. В 2008 году он участвовал в знаменитом проекте российского телевидения «Имя Россия», а в 2011 году в Манеже прошла юбилейная выставка Глазунова.

А. М. БУРОВСКИЙ: — Почему Вам интересен образ столь страшного, преступного царя?

Н. Н. МУТЯ: — Мне импонирует политика, которую он проводил, — укреплял централизованную власть. В его правление была приращена Сибирь. К сожалению, мы до сих пор живем за счет Сибири. Я не считаю его хорошим или плохим, мне интересно его восприятие с точки зрения и положительного, и отрицательного героя. Я думаю, это тоже своеобразный диалог.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется Всеволоду Юрьевичу Богатыреву.

В. Ю. БОГАТЫРЕВ: — Мы сегодня много говорили о Санкт-Петербурге. Всем известно, что не стоит город без праведника — таким праведником был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Один из основных моментов его проповедывания культуры — он старался не разграничивать культуру на академическую и неакадемическую, призывал воспринимать ее как нечто живое, продолжающееся и сегодня.

В Петербурге это делать всегда затруднительно, ведь Петербург во многом город обратной перспективы, это заметно даже в центре города. С Гороховой улицы видны Адмиралтейство и восстановленный шпиль над швейной фабрикой, теперь это бизнес-центр. Это по большому счету обратная перспектива, золотой шпиль — от него тень. Нечто подобное можно обна-

ружить на любом проспекте, он все время начинается вертикалью, и есть какие-то повторения, то есть свет у нас идет от центра, от того, что как будто когда-то было. Но это совершенно не так: посмотрите на современную архитектуру — это, как правило, зеркальные поверхности, отражающие то, что уже построено. Посмотрите на здание, где располагается вторая сцена Мариинского театра. Когда попадаете в это здание и смотрите в панорамные окна, то видите панораму Петербурга, ту панораму, которая, собственно, это здание уничтожила. Чтобы нам с вами не превратиться в такого монстра, стоящего посреди нашего города, для этого мы с вами сегодня и собрались. Я считаю, что вместо того, чтобы высказывать сожаления по поводу гибнущей культуры, надо просто честно служить своему делу, и тогда у нас появится шанс сохранить то, что нам завещано и оставлено великими предшественниками.

В. Е. ЧУРОВ: — Есть люди, и я отношу себя к их числу, которые умеют путешествовать и в пространстве, и во времени. Для этого не нужна никакая машина времени, для этого нужен просто определенный объем знаний. Я, например, сейчас большую часть своего времени провожу в XIX веке, так как пишу об этом, вы можете ознакомиться с моим творчеством в «Русском пионере». Вы знаете, что в 1813 году в русской армии, совершавшей заграничный поход по освобождению Германии, офицеров и генералов-немцев было больше, чем в прусской, поэтому и дружили домами. Если нет возможности путешествовать в пространстве, постарайтесь научиться путешествовать во времени. Наши соотечественники братья Стругацкие в своих произведениях предвидели будущее. В их творчестве прослеживаются две провидческие линии: одна — каким мог бы быть идеальный мир, а вторая — каким будет мир неидеальный. К примеру, «Хищные вещи века» — это картина нашего современного бытия. Немногие фантасты обладают даром предвидения. Но высший пилотаж — когда удастся совместить путешествие во времени с путешествием в пространстве, когда вы, стоя на каком-либо месте, можете представить себе идущего навстречу человеку 200-, 300-, 400-, 500-летней давности, можете с ним поговорить, увидеть своими глазами события, происходившие там много лет тому назад. Спасибо.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Дорогие коллеги! Признаюсь, у меня были сомнения, что наша дискуссия на столь объемную тему, которая заявлена в названии нашей секции, сможет закончиться в течение отведенного времени. Но все состоялось, и оказалось, что именно это — самое интересное, потому что это судьба города. Надеюсь, что чем больше мы будем думать о нашем городе, чем больше у нас будет идей по поводу его жизни, тем лучше нам удастся включиться в ту «небесную линию», которую защитили М. Б. Пиотровский, А. Н. Сокуров и заслуженный строитель РФ В. Заренков и др. Во всяком случае, судьба города в значительной степени зависит от нас с вами — каким образом мы будем реагировать на различные проекты его совершенствования. Будьте здоровы и до следующих встреч!